

Вторая жизнь героя

RemVoVo

RemVoVo

Вторая жизнь героя

«Автор»

2026

RemVoVo

Вторая жизнь героя / RemVoVo — «Автор», 2026

Герой, спасший мир, становится рабом в собственном доме. Манипуляции, измены, ложь — и стальная воля, которую он потерял. Но когда он встречает дочь демона, которого убил, его жизнь меняется. Она не просит его о любви. Она требует от него силы. И она готова идти с ним в ад, чтобы он снова стал мужчиной. Жёсткое, честное, без прикрас. Для тех, кто устал от штампов и верит, что настоящая любовь — это свобода, а не клетка.

© RemVoVo, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Золотой дождь	5
Глава 2. Молчаливое утро	9
Глава 3. Запрет на силу	13
Глава 4. Гости с севера	17
Глава 5. Манипуляция головной болью	21
Глава 6. Воспоминание: Жрица у врат	25
Глава 7. Отказ от короны	29
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Вторая жизнь героя

Глава 1. Золотой дождь

Город встречал его золотом. Не тем червонным золотом, что чеканят на монетном дворе, а живым, солнечным, пролитым на сотни тысяч голов, поднятых к небу. Лепестки роз, лилии, горсти медяков и серебра — всё это летело из окон, с балконов, с крыш, пока колонна победителей втягивалась в центральные ворота. Воздух звенел от криков, плача, смеха, и даже старые камни мостовой, казалось, вибрировали в такт ликующему реву толпы. Первый день лета выдался на диво жарким, и солнце плавало шлемы и нагрудники стражников, обрамлявших шествие. Геральды в алых плащах трубили в серебряные рога, и каждый выдох вырывал из горна торжествующий вопль, который разбивался о стены домов и возвращался эхом, множась в ушах.

Александр Аргентов, известный ныне как Аргент Победитель, Богоборец, Убийца архидемона Алехандро, ехал впереди своего отряда на вороном жеребце, чья грива была перевита лавровыми венками. Парень не улыбался. Он смотрел прямо перед собой, но взгляд его скользил по толпе, не задерживаясь ни на одном лице, словно парень видел не живых людей, а тени. Усталость, которая копилась в нём годы, теперь вылезла наружу, въевшись в кости, смешавшись с ноющей болью в правом боку — там, где клинок демона оставил свой серебряный след. Каждый шаг коня отдавался в этом шраме тупой пульсацией, но Алекс держал спину прямой. Он знал: сейчас на него смотрят все. Каждый его жест, каждый поворот головы будет перетолкован жрецами, записан хронистами, воспет в балладах. Он должен быть тем, кого они ждали.

Колонна проплыла мимо фонтана, где била струя, в которую дети бросали цветы. Кто-то из женщин запустил в него букет полевых васильков — они ударились о наплечник и упали под копыта. Алекс не подобрал их. Он слышал, как позади кто-то из его товарищей, старый Грегор, хрипло басил что-то шутовское, но слова тонули в рёве. Главная площадь, усеянная лепестками, раскинулась перед ним, и там, на деревянном помосте, укрытом алым бархатом, стояли королевские особы. Седой король Эдвин, опирающийся на посох, королева в бриллиантовом ожерелье, и — в центре, чуть позади, — она. Лиана.

Алекс впервые за долгие месяцы позволил себе улыбку. Такая скупая, только уголки губ дрогнули, но даже этого было довольно, чтобы толпа взревела с новой силой. Девушка была в платье цвета воронова крыла, с глубоким вырезом, который подчёркивал белизну её кожи. Волосы, светлые, как спелая пшеница, были уложены сложной короной, и в них мерцали мелкие жемчужины. Она смотрела на него с высоты помоста, и в этом взгляде читалось то, что он так хотел видеть — гордость, любовь, ожидание. Воин спрыгнул с коня, не дожидаясь, когда поднесут стремя, и плащ за его спиной взметнулся, будто крылья. Он прошёл по алому ковру, чувствуя под ногами не ткань, а саму плоть победы, и остановился перед помостом.

Король что-то говорил, растягивая слова, как тягучий мёд, но Алекс не слушал. Все мысли были о ней. Она шагнула вперёд, наклонилась, и её губы коснулись его лба — публичный, целомудренный жест, который толпа встретила восторженным «Ах!». Парень поднял руку, поймал её ладонь, такую тонкую, почти хрупкую, и почувствовал, как пальцы Лианы слегка напряглись. Всего на миг. Он подумал, что это от волнения. Она ведь ждала его целый год.

Потом был пир. Длинные столы в тронном зале, ломящиеся от яств, чаши с вином, которые осушали за его здоровье, бесконечные тосты и речи. Алекс сидел во главе стола, рядом с королём, а Лиана была по правую руку от него, почти касаясь плечом. Она держалась величественно, говорила мало, но каждый раз, когда он пытался поймать её взгляд, она отводила глаза. Парень списывал это на усталость, на обилие людей. Ему самому хотелось провалиться

в тишину, снять доспехи, которые натирали шею, и просто лечь, закрыть глаза. Но он терпел. Он улыбался, принимал поздравления, выслушивал имена павших, которые обещал помнить, и обещал награды выжившим. За столом шёл гул, звенели кубки, а где-то в углу менестрель уже наигрывал балладу о том, как Александр Аргентов сразил демона Алехандро в преддверии вечности.

К полуночи Алекс почувствовал, что веки тяжелеют. Вино ударило в голову, но не опьянением, а тупой тяжестью. Король отпустил его, когда за окнами начало сереть небо. Официальная часть кончилась. Алекс, поддерживая Лиану под локоть, вышел из зала, прошёл по опустевшим коридорам, где лишь слуги в серых рясах бесшумно скользили вдоль стен, и наконец очутился в выделенных им покоях. Это были королевские апартаменты — просторная спальня с балдахином, тяжёлые портьеры, камин, в котором ещё тлели угли. Парень с облегчением стянул с себя парадный плащ, потом нагрудник, потом кольчугу — всё это громынуло, упав на дубовый сундук. Он остался в тонкой рубашке, мокрой от пота, и наконец позволил себе выдохнуть.

Лиана стояла у окна, спиной к нему, и смотрела на тёмный сад. Её силуэт чётко рисовался на фоне ночного неба, где уже загоралась утренняя звезда. Алекс подошёл ближе, положил руки ей на плечи, прижался щекой к её волосам. От них пахло лавандой — тем же запахом, что он помнил год назад, когда уходил на войну. Он закрыл глаза, вдыхая этот запах, чувствуя тепло её тела, и прошептал:

— Я дома. Наконец-то я дома.

Девушка не ответила. Она стояла неподвижно, как статуя. Алекс потянул её за плечи, чтобы развернуть к себе, но она мягко, но настойчиво отстранилась.

— Ты устал, — сказала она голосом, в котором не было тепла. Это был просто факт, констатация. — Тебе нужно отдохнуть.

— Я не устал настолько, — усмехнулся парень, пытаясь шуткой разрядить странную атмосферу. — Год войны, и я не увидел твоего лица. Я хочу тебя. Ты же знаешь, я ждал этого, как ждал победы.

Он протянул руку, коснулся её щеки, но она отвернулась, сделав шаг в сторону. В комнате повисла тишина, прерываемая только треском углей в камине. Алекс почувствовал, как в груди начинает закипать что-то тягучее, похожее на тревогу, но он подавил это чувство, напомним себе, что она тоже пережила этот год. Она ждала, волновалась, возможно, не спала ночей. Она имеет право быть уставшей, раздражённой, замкнутой.

Лиана отошла к туалетному столику и принялась расчёсывать волосы, глядя в зеркало. Её движения были размеренными, почти механическими. Алекс стоял посреди комнаты, чувствуя себя лишним, неуклюжим великаном, вторгшимся в её личное пространство. Он сделал ещё один шаг вперёд, оказавшись прямо за её спиной, и положил ладони на её талию.

— Лиана, — тихо позвал он. — Я всё понимаю. Ты устала. Но мы можем просто лечь рядом. Просто быть рядом. Мне нужно почувствовать, что это правда. Что я вернулся.

В зеркале он увидел, как её брови слегка сдвинулись. Она перестала расчёсываться и застыла на мгновение, а затем резко повернулась, выскальзывая из его рук. Теперь она смотрела на него в упор, и в этом взгляде не было ни тени нежности. Только усталость, раздражение и ещё что-то, чего Алекс не мог распознать — может быть, страх, а может, брезгливость.

— Ты пахнешь кровью, — сказала она ровно, без эмоций. — Ты весь пропах этим. Битвой, смертью, всем этим... Это не смывается, Александр. Ты думаешь, я могу спокойно лечь с тобой, зная, что ты убил тысячи? Что ты пришёл из места, где люди умирали в грязи?

Парень замер, как будто его ударили под дых. Слова Лианы прозвучали не как упрёк, а как приговор. Он открыл рот, чтобы возразить, но она не дала ему этого сделать.

— Иди в другую комнату, — закончила девушка, отворачиваясь и снова берясь за гребень. — Там есть кушетка. Ты прекрасно проведёшь ночь там. И, пожалуйста, не спорь. У меня болит голова, я не хочу скандала в первый же день.

Алекс стоял несколько секунд, сжимая кулаки. В его голове пронеслось множество мыслей — от отчаянного желания обнять её, переубедить, добиться её улыбки, до вспышки гнева, от которой он едва сдержался. Но он был героем. Герои не кричат на своих женщин. Герои понимают, прощают, сглаживают углы. Он напомнил себе, сколько раз он видел, как возвращающиеся солдаты натыкались на холодность своих жён, как те боялись, как привыкали к одиночеству. Она просто напугана. Она не понимает, что он остался тем же человеком.

— Хорошо, — выдохнул Алекс, стараясь, чтобы голос звучал спокойно. — Я пойду на кушетку. Отдыхай. Завтра мы поговорим. Всё будет хорошо.

Он повернулся, подошёл к сундуку, достал запасную рубашку и пошёл в соседнюю комнату. Дверь между ними осталась открытой, но он не осмелился закрыть её, чтобы не казалось, что он злится. Он лёг на жёсткую, узкую кушетку, положил руки за голову и уставился в потолок. Глаза слипались, но мысли не давали покоя.

«Она сказала, что я пахну кровью. Но я мылся перед пиром, меня натирали благовониями. Она просто устала. Она ждала год, страдала. Это нормально, что она раздражена. Завтра я подарю ей то, что обещал — те серьги с сапфирами, о которых она говорила. Я поговорю с ней, объясню, что я вернулся навсегда. Она оттаает.»

Парень закрыл глаза, но сон не шёл. Он вспоминал парад, золотые лепестки, летящие в воздух. Как её лицо осветилось, когда он подъезжал к помосту. Или ему только казалось? Он попытался воспроизвести в памяти тот момент, когда она наклонилась и коснулась губами его лба. Её губы были холодными, почти ледяными. Он тогда списал это на ветер, на волнение. Но сейчас, в тишине, это ощущение всплыло с новой силой. Холод её поцелуя, как у той жрицы в храме за тысячу миль отсюда, которая целовала его перед финальной битвой, желая удачи. Но та жрица хотя бы была искренна. Лиана...

Алекс резко сел на кушетке, отгоняя мысли. Нельзя так думать о ней. Это несправедливо. Она его жена, она ждала его, она молилась за него. Просто сейчас все слишком устали, слишком много эмоций. Завтра они поговорят, и всё наладится. Он снова лёг, повернулся на бок и прислушался к звукам из соседней комнаты. Там было тихо. Слышно только, как она перебирает что-то — может быть, разбирает свои украшения. Ни звука шагов, ни вздоха.

«Я люблю её. Я всегда любил. И я сделаю так, чтобы она снова улыбнулась. Даже если для этого нужно стать не героем мира, а просто её мужем. Никаких битв, никаких походов. Я останусь здесь, рядом с ней.»

С этой мыслью Алекс медленно провалился в сон, но сон был тревожным, полным обрывков прошлого: крики, огонь, жар, и лицо Алехандро, парящее в багровом тумане. Демон смеялся, и этот смех переплетался с голосом Лианы, которая говорила: «Ты пахнешь кровью». Парень метался на кушетке, пока рассвет не заглянул в окно серебряными пальцами, и он не очнулся, мокрый от пота, с чувством, что ночь не принесла ни отдыха, ни покоя.

За окнами пели птицы. В доме пахло свежим хлебом и мёдом — Лиана уже встала и, видимо, заказала завтрак. Алекс с трудом поднялся, накинул тунику и, стараясь ступать бесшумно, заглянул в спальню. Девушка сидела за туалетным столиком, уже причёсанная, одетая, с идеальным макияжем. Она даже не взглянула на него, когда он вошёл.

— Доброе утро, — хрипло поздоровался парень.

— Доброе утро, — ответила она, не оборачиваясь.

Алекс хотел подойти, поцеловать её в висок, но вспомнил вчерашнюю сцену и остановился на пороге. Он чувствовал себя чужим в этом доме, который считал своим. Запах лаванды, свежего хлеба — всё это должно было успокаивать, но вместо этого вызывало странную тоску.

Он уже собирался сказать что-то ободряющее, как вдруг заметил на её шее едва заметный красноватый след, похожий на ссадину. Но в доме не было острых предметов, которые могли бы оставить такой след. Он хотел спросить, но Лиана поднялась, проскользнула мимо него, как тень, и вышла в столовую, бросив через плечо:

— Завтрак готов. Я должна навестить портниху. Потом поговорим.

Алекс остался стоять, глядя ей вслед, и впервые за долгие месяцы почувствовал, что победа, которую он принёс этому миру, стоит ровно столько, сколько весит его золотой медальон на груди. И этот вес вдруг показался ему невыносимым. Но он отогнал это чувство. Надо просто дать ей время. Всё будет хорошо. Он же герой. А герои умеют ждать.

Но в глубине души, там, где не ступала его воля, зародился маленький червячок — сомнение. Он не знал тогда, что этот червячок разрастётся в чудовище, которое сожрёт весь его мир. Пока же он просто надел парадный камзол, застегнул все пуговицы и пошёл на завтрак, стараясь улыбаться. Золотой дождь вчерашнего дня уже стёрся с мостовой, и на смену ему пришёл обычный серый день. Но Алекс верил, что солнце ещё взойдёт для них двоих. Он просто ошибался. Ошибался, как никогда.

Глава 2. Молчаливое утро

Солнце уже поднялось над крышами, когда Александр Аргентов вышел из спальни, где провёл ночь на кушетке. Спина затекла, плечи ныли — старые раны напоминали о себе тупой болью, но парень старался не подавать виду. Вчерашний пир, речи, цветы, летящие под копыта, — всё это казалось сном, слишком ярким, чтобы быть правдой. Утро встретило его тишиной, нарушаемой лишь щебетом птиц за окном и звоном посуды в соседней комнате. Лиана уже хлопотала по хозяйству, хотя в доме была прислуга. Она всегда любила делать всё сама, говорила, что это успокаивает нервы. Алекс помнил это качество и раньше, но сейчас оно выглядело почти как бегство — она избегала его взгляда, постоянно находя себе дела.

Парень прошёл в столовую, где на столе дымилась овсянка с мёдом, лежали свежие лепёшки и кувшин с молоком. Лиана стояла у окна, поправляя занавеску, и спиной чувствовала его присутствие. Алекс сел за стол, но аппетита не было. Он смотрел на неё, пытаясь уловить хоть каплю тепла, но девушка обернулась лишь на мгновение, чтобы бросить короткое:

— Ешь, завтрак остынет.

Голос был ровным, безэмоциональным, как у человека, читающего список покупок. Парень взял ложку, но не стал есть. Он подождал, пока она закончит с занавеской и сядет напротив, пододвинув к себе чашку с травяным отваром. Тишина повисла между ними тягучей паточкой. Алекс решил нарушить её первым.

— Знаешь, я вчера хотел показать тебе трофеи. То знамя, что мы сняли с башни Александро, и тот кинжал, что носил его главный жрец. Я думал, ты будешь рада увидеть.

Лиана подняла взгляд, и в нём мелькнуло что-то острое, почти испуганное. Она отставила чашку, обхватила ладонями горячие бока и сказала, стараясь говорить спокойно:

— Александр, я хотела поговорить с тобой об этом. О твоих... реликвиях.

Парень насторожился. В её голосе послышалась та же ледяная нотка, что и вчера, когда она отправила его на кушетку. Он положил ложку и выпрямился, глядя на супругу.

— О чём именно? — спросил воин, пытаясь не показывать тревоги.

Лиана замялась, провела пальцем по краю чашки, собираясь с мыслями. Потом встала и подошла к большому сундуку в углу столовой, который Алекс ещё не открывал. Он стоял там со вчерашнего дня, и парень думал, что в нём хранятся скатерти или старая утварь. Но девушка откинула крышку, и взору Алекса открылись его боевые доспехи — нагрудник, поцарапанный клинками, шлем с рваным плюмажем, перевязь с потёртой кожей и тот самый кинжал, который он упоминал. Всё это было свалено в кучу, без должного почтения, как старый хлам.

— Это, — сказала Лиана, указывая на сундук. — Я хочу, чтобы ты спрятал это туда, где никто не увидит. Лучше всего в подвал или на чердак. Не хочу, чтобы это стояло в доме.

Алекс встал, подошёл к сундуку и опустил на колено, провёл рукой по нагруднику. Пальцы нащупали глубокую борозду — след от когтя демона, который чуть не распорол ему грудь. Он помнил тот миг, когда клинок Александро проскользил по металлу, и он чудом ушёл от смерти. Эти доспехи были не просто железом — они были свидетелями его битв, его потерь, его победы. Он повернулся к Лиане, и в глазах парня мелькнуло недоумение.

— Но это же трофеи. Я хотел повесить знамя над камином. Как напоминание, что мы выжили. Почему ты хочешь спрятать их?

Девушка скрестила руки на груди, и в её позе появилась такая же холодная решимость, с какой она вчера указывала ему на кушетку. Она шагнула ближе, но не к нему, а к окну, как будто хотела отгородиться от него расстоянием.

— Потому что я не хочу, чтобы соседи думали, что я живу с варваром, — произнесла Лиана медленно, чеканя каждое слово. — Ты не в походе, Александр. Ты дома. Здесь не место оружию и кровавым тряпкам. Люди видят, что я принесла в дом мужа-солдата, и они начинают

шептаться. Говорят, что я вышла за дикаря, что ты не умеешь вести себя в обществе. Мне стыдно.

Парень почувствовал, как кровь приливает к лицу. Он сжал челюсти, сдерживая гнев, который начал зарождаться где-то в глубине груди. Но он подавил его, напомнив себе: она просто испугана, она не привыкла к такой жизни. Он встал, взял её за руку, но Лиана выдержала ладонь, как от огня.

— Лиана, — сказал Алекс, стараясь, чтобы голос звучал мягко. — Я убил демона, спас королевство. Люди, которые смотрят на меня, — они благодарят меня. Они не шепчутся о дикости. И даже если бы шептались, какое мне дело? Я сделал то, что должен был.

Девушка резко развернулась и посмотрела на него в упор. В её глазах больше не было той любви, которую он запомнил год назад. Теперь там плескалось что-то тягучее, раздражённое, почти злое.

— Ты не понимаешь, да? — её голос дрогнул, но не от слабости, а от напряжения. — Ты ушёл на войну, а я осталась здесь, среди этих людей. Они смотрели на меня как на вдову. Они жалели меня. А теперь они видят, что ты вернулся, но вместо того, чтобы быть нормальным мужем, ты таскаешь с собой эту железную рухлядь и хочешь украсить ею мой дом. Это мой дом, Александр. И я не хочу жить в музее битв.

Эти слова прозвучали как пощёчина. Парень стоял, глядя на неё, и не верил своим ушам. Он провёл год в аду, сражаясь с тварями, которые могли разорвать человека за секунду, и всё это время он думал о ней, мечтал о возвращении, о том, как они будут сидеть у камина, и он будет рассказывать ей о подвигах. А теперь она просила спрятать все доказательства того, что он пережил.

— Ты правда так считаешь? — тихо спросил воин, и в этом голосе слышалась не злость, а боль. — Ты хочешь, чтобы я притворился, что ничего не было? Что я не сражался за этот город, за тебя?

Лиана вздохнула, провела рукой по волосам, и в этом жесте сквозила усталость — не физическая, а нервная, глубокая. Она подошла к нему ближе, положила ладонь ему на грудь, и от этого прикосновения Алекс ощутил не тепло, а холод.

— Я хочу, чтобы ты был моим мужем, а не героем, — сказала девушка, глядя ему прямо в глаза. — Муж должен заботиться о жене, о доме. Он не должен пугать соседей и напоминать всем о смерти и крови. Ты можешь быть сильным, но тихо. Ты можешь быть победителем, но скромным. Пожалуйста, Александр. Сделай это для меня. Спрячь всё это. Повесь свой меч в подвале. Там его никто не увидит.

Парень смотрел в её глаза, и в них читалась такая настойчивость, что он почувствовал, как его собственная воля начинает таять. Он хотел возразить, сказать, что это часть его, что он не может просто взять и запереть своё прошлое в подвале, но она стояла перед ним, такая хрупкая, и просила. Просила о такой малости. Он ведь обещал себе, что сделает её счастливой. И если для этого нужно спрятать доспехи, он спрячет. Что ему стоит?

— Хорошо, — выдохнул Алекс, опуская руки. — Я уберу их. Но знамя... оно красивое. Может быть, оставить его в кабинете?

Лиана качнула головой, и в этом жесте было столько категоричности, что парень понял: спорить бесполезно.

— Ничего военного, — отрезала она. — Я не хочу, чтобы дети, когда у нас будут дети, росли с этим ужасом. Пусть они видят только хорошее. Договорились?

Алекс медленно кивнул. Он подошёл к сундуку, поднял тяжёлый нагрудник и перенёс его в подвал, куда вела узкая лестница за кухней. Там было сыро, пахло землёй и плесенью. Он сложил доспехи у дальней стены, рядом с бочками с квашеной капустой. Кинжал, перевязь, шлем — всё это легло на каменный пол, утратив свою значимость. Парень смотрел на груды

металла, которая ещё вчера была его гордостью, и чувствовал, как что-то внутри него сжимается. Он словно хоронил часть себя, запирали её в темноте, чтобы не огорчать жену.

Поднявшись наверх, Алекс застал Лиану уже в гостиной. Она поправляла подушки на диване, переставляла вазы. Её движения были быстрыми, почти нервными. Увидев мужа, она улыбнулась — первой улыбкой за всё утро — и подошла, потрепала его по щеке.

— Вот видишь, как чисто стало, — сказала девушка, оглядывая комнату. — Теперь ты понимаешь, что я права? Нам не нужна эта военная пыль. У нас будет спокойная жизнь.

Парень попытался улыбнуться в ответ, но улыбка вышла кривой, натянутой. Он чувствовал себя обманутым, хотя она не лгала — она просто просила его приспособиться. Но внутри него росла пустота. Он посмотрел на пустую стену над камином, где должен был висеть тот самый клинок, и на мгновение ему показалось, что в комнате стало темнее.

Дальше день потёк по какому-то странному, незнакомому руслу. Лиана объявила, что они должны нанести визиты соседям — благодарственные, как она выразилась. Парень переоделся в гражданский камзол, который показался ему тесным и неудобным. Он привык к доспехам, к свободе движений, а тут воротник давил, рукава стягивали плечи. Но он терпел.

Первый визит был к семье торговца, жившей через улицу. Толстый купец с масляным лицом встретил их на пороге, раскланиваясь и улыбаясь. Алекс в ответ сдержанно кивнул, но Лиана тут же толкнула его локтем в бок и шепнула:

— Улыбайся шире. Ты же не на поле боя.

Парень выдал улыбку, пожал купеческую руку, но внутри него закипало раздражение. Он чувствовал себя актёром, играющим роль благопристойного мужа, хотя на самом деле ему хотелось выбежать на улицу, вдохнуть свежий воздух и выпустить пар, размахивая мечом. Но меч лежал в подвале, рядом с квашеной капустой.

Когда они вышли от купца, Лиана недовольно покачала головой.

— Ты был слишком напряжён. Они подумают, что ты не рад их приглашению.

— Я рад, — глухо ответил Алекс. — Просто я не привык к этому всему. Давай, может, пойдём домой?

Девушка остановилась, взяла его за руку и заглянула в глаза с притворной нежностью.

— Милый, ты вернулся в мирную жизнь. Теперь нужно учиться жить по-другому. Нельзя всё время думать о войне. У нас впереди столько прекрасных дней. Просто постарайся, ладно?

Парень снова кивнул. Он соглашался на всё, потому что боялся, что если будет возражать, она снова закроется, отгородится ледяной стеной, как прошлой ночью. Он так хотел её любви, что готов был идти на компромиссы. Но эти компромиссы походили на сдачу.

Домой они вернулись уже к вечеру. Лиана, уставшая от визитов, сразу же ушла в спальню, сославшись на головную боль. Алекс остался один в гостиной, где всё было прибрано, вычищено, и ничто не напоминало о войне. Он прошёлся по комнате, остановился у камина, посмотрел на пустую стену, где должно было висеть знамя, и почувствовал, как в груди закипает что-то мутное, похожее на обиду.

Он подошёл к окну и увидел, как сосед, старый кузнец, сидит на лавочке возле своего дома и курит трубку. Жена кузнеца, высокая женщина с громким голосом, вышла на крыльцо и что-то крикнула ему. Кузнец вздрогнул, погасил трубку и поспешил в дом. Алекс заметил, как он опустил плечи, как будто нёс на себе груз, который был тяжелее любого молота. Парень вспомнил, что слышал разговоры о том, что эта женщина постоянно пилит мужа, что он стал тенью самого себя. Тогда Алекс не придавал этому значения, а теперь задумался: а не та же ли участь ждёт его?

Он отошёл от окна и поднялся на второй этаж, к той комнате, где спала Лиана. Дверь была приоткрыта, и он заглянул внутрь. Девушка лежала на кровати, отвернувшись к стене, и её дыхание было ровным — она либо спала, либо притворялась. Алекс не решился войти. Он тихо прикрыл дверь и спустился обратно.

В подвале, куда он спрятал свои доспехи, горел слабый свет из крошечного оконца под потолком. Парень спустился по скрипучей лестнице, подошёл к сундуку и открыл его. Нагрудник, шлем, кинжал — всё лежало на месте. Он взял в руки кинжал, тот самый, что носил жрец Алехандро. Лезвие было тёмным, почти чёрным, и на нём сохранились зазубрины от его собственного клинка. Алекс провёл пальцем по лезвию, ощутил холод металла, и в этом холоде ему почудилось что-то знакомое, дружеское. Это был голос его прошлого, голос битв и побед, голос той жизни, где он знал, кто он есть и чего стоит.

— Я не забыл тебя, — прошептал парень, обращаясь к кинжалу. — Ты будешь здесь. Я вернусь за тобой, когда она поймёт.

Но в глубине души Алекс знал, что она не поймёт. Лиана хотела, чтобы он стал кем-то другим, кем-то удобным, тихим, незаметным. Она не хотела видеть его сильным, потому что его сила заставляла её чувствовать себя слабой. Он думал об этом, стоя в сыром подвале, и в голове его зрела мысль, которую он раньше гнал прочь: а любит ли она его? Не его титул, не его славу, а его самого, того, кто идёт сквозь огонь и пепел?

Поднявшись наверх, Алекс заметил, что Лиана уже проснулась и сидит в столовой, читая какую-то книгу. Увидев мужа, она подняла бровь:

— Ты был в подвале? Зачем?

— Хотел убедиться, что всё хорошо убрано, — соврал парень, избегая её взгляда.

Девушка хмыкнула и снова углубилась в чтение. Она больше не поднимала на него глаз, и Алекс почувствовал себя призраком, который бродит по дому, невидимый для хозяйки. Он сел напротив неё, взял книгу, которую принёс из похода — трактат о древних драконах, но не мог сосредоточиться на словах. Он смотрел на то, как Лиана перелистывает страницы, и пытался вспомнить, когда в последний раз она смотрела на него с восхищением. Может быть, до войны, когда он был просто молодым офицером, а не героем-победителем? С тех пор что-то сломалось.

Ночью он снова лёг на кушетку, сославшись на то, что не хочет тревожить её сон. Лиана не спорила, только сухо пожелала спокойной ночи и закрыла дверь спальни. Алекс лежал в темноте, смотрел на лунный свет, пробивающийся сквозь щель в шторе, и думал о том, как быстро медовый месяц превратился в молчаливую войну. Он не хотел признаваться себе, что его вчерашнее триумфальное возвращение оказалось началом конца. Но что-то в воздухе, в запахе лаванды, который витал в доме, казалось ему теперь приторным и даже слегка тошнотворным.

Парень закрыл глаза и попытался провалиться в сон, но вместо этого перед его взором возникло лицо Алехандро, демона, который умирал, хохоча ему в лицо. Тогда, в последний миг, демон прошептал: «Ты спас мир, но потеряешь её. И ты поймёшь, что я был прав.» Алекс отогнал видение, считая это игрой уставшего разума, но слова демона застряли в сознании, как заноза.

Он повернулся на бок, положил руки под голову и прошептал в пустоту:

— Я выиграл войну. Но, кажется, проиграл всё остальное.

Эхо его голоса растворилось в тишине, и только шум ветра за окном ответил ему монотонным шёпотом. В эту минуту Александр Аргентов, Богоборец, убийца демонов, понял, что самое страшное сражение ему только предстоит, и оно не будет вестись мечами и магией. Оно будет вестись тихими словами, молчаливыми ночами и медленным угасанием того, кем он был. Он надеялся, что ошибался, но где-то глубоко внутри он уже знал правду. Она только начиналась.

Глава 3. Запрет на силу

Третий день после возвращения выдался серым и душным. Небо затянуло плотной пеленой облаков, солнце не пробивалось, и даже птицы, казалось, притихли, чувствуя грядущую грозу. Александр Аргентов проснулся с тяжёлой головой, чувствуя, как затекли мышцы после второй ночи на узкой кушетке. Парень потянулся, хрустнув шеей, и понял, что тело просит движения. Не той суеты, что была на вчерашних визитах к соседям, а настоящей, мужской нагрузки — ударов, выпадов, напряжения мышц, которое очищает голову и возвращает ясность.

Он вышел во двор, где трава ещё была влажной от росы. За домом, за старым амбаром, находилась небольшая площадка, которую он в прошлом году выровнял сам, чтобы тренироваться. Тогда, до войны, он каждый день проводил здесь по два часа — рубил деревянный столб, отработывал связки, доводил до автоматизма движения, которые на поле боя решали всё. Площадка заросла крапивой, столб покосился, но это было поправимо. Алекс взял старый меч, который предусмотрительно оставил в сарае, не пряча в подвал — старый клинок, без заточки, годный лишь для тренировок.

Парень скинул камзол, остался в одной рубашке, закатал рукава и взял оружие в руки. Вес металла, балансировка, лёгкая вибрация в ладони — всё это вернуло его в ту реальность, где он был хозяином положения. Алекс сделал выпад, рубанул по столбу, и дерево отозвалось глухим стуком. С каждым ударом напряжение, копившееся внутри, выходило наружу, сменяясь знакомым покоем. Он вошёл в ритм, перестал думать, просто двигался, как учили его ещё в казармах — чётко, мощно, без лишних движений.

И тут услышал голос из окна.

— Александр! Что ты делаешь?

Лиана стояла у кухонного окна, уперев руки в бока. Её лицо было бледным, и даже на таком расстоянии парень заметил, как напряглись её скулы. Он остановился, опустил клинок, пытаясь улыбнуться.

— Тренируюсь, — ответил воин, вытирая пот со лба. — Надо держать форму. Ты же знаешь.

Девушка фыркнула, захлопнула окно, и через минуту уже стояла в дверях, ведущих во двор. Она была в домашнем платье, без украшений, но в её осанке чувствовалось что-то такое, от чего Алекс поневоле выпрямился. Она подошла к нему, остановилась в двух шагах, и её взгляд упал на меч, затем на изрубленный столб.

— Ты что, совсем не понимаешь? — её голос звенел, как натянутая струна. — Соседи видят, что ты тут машешь железкой, как какой-нибудь дикарь. Ты хочешь, чтобы они нас боялись? Чтобы у них сложилось впечатление, что в наш дом поселился агрессивный убийца?

Парень сжал рукоять меча сильнее, но старался говорить ровно.

— Лиана, это просто тренировка. В любом доме, где живёт воин, есть плац. Королевские гвардейцы тренируются каждый день. Я же не на улице рублю, я на своей земле.

— На своей земле, — повторила она с горькой усмешкой. — Ты не представляешь, как я устала объяснять людям, что ты нормальный. Вчера жена булочника спросила меня, не страшно ли мне жить с человеком, который «убил столько душ». А сегодня она увидит, как ты размахиваешь мечом, и скажет всем, что я сплю с безумцем. Александр, прекрати. Пожалуйста. Спрячь этот меч тоже.

Он хотел возразить, сказать, что это не меч, а тренировочный клинок, что он не представляет угрозы, что его боевые артефакты уже в подвале. Но слова застряли в горле, когда он увидел, как она смотрит на него — с такой смесью страха и отвращения, будто он только что зарезал котёнка у неё на глазах.

— Я делаю это для нашего будущего, — добавила девушка, подходя ближе и касаясь его плеча. — Ты хочешь, чтобы у нас были дети? Чтобы они росли в страхе, что отец может сорваться и кого-то убить? Они должны видеть в тебе защитника, а не угрозу. А защитник не размахивает клинком во дворе, как на поле боя.

Алекс опустил взгляд на свои руки, всё ещё сжимающие рукоять. Пальцы, привыкшие к стали, мелко дрожали — не от усталости, а от внутренней борьбы. Он хотел сказать, что дети должны видеть отца сильным, что сила не равна жестокости. Но она смотрела на него так, словно он был ребёнком, который не понимает элементарных вещей.

— Хорошо, — выдавил парень, и слово далось ему с трудом, как будто он вытаскивал его из глубины колодца. — Я спрячу и этот клинок. У меня больше нет тренировочного оружия. Я буду просто... сидеть.

Лиана улыбнулась, и в этой улыбке было что-то снисходительное, почти материнское. Она погладила его по щеке, развернулась и ушла в дом, оставив Алекса одного во дворе, с зажатым в руке бесполезным куском металла.

Парень стоял неподвижно несколько минут, глядя на покосившийся столб с глубокими зарубками — его работа, его пот, его искусство. Он поднял клинок, взвесил на ладони и внезапно почувствовал, как этот вес становится непосильным. Не потому что клинок тяжёлый, а потому что его значение обесценилось. Он медленно разжал пальцы — меч упал в траву с приглушённым стуком. Затем нагнулся, подобрал его и понёс в сарай, где уложил на старую бочку, накрыл рогожей и вышел, закрыв дверь на засов.

Весь остаток дня Алекс провёл в доме, перебирая книги, которые привёз из похода. Фолианты о драконах, карты забытых земель, трактаты по боевой магии — всё это казалось ему сейчас мёртвым грузом. Он попытался читать, но слова расплывались. Парень слышал, как Лиана хлопочет на кухне, что-то напевает, и это пение раздражало его, хотя он не мог понять, почему. Раньше он любил её голос, а теперь он казался фальшивым, слишком звонким для этой серой тишины.

Когда солнце начало клониться к закату, парень вышел на крыльцо и присел на ступеньки. Соседний двор, где жил кузнец, был пуст. Но вскоре из калитки появился сам кузнец, тяжело волоча ноги. Он нёс в руках ведро с водой, и его лицо было бледным, осунувшимся. Алекс окликнул его:

— Эй, Грегор! Как дела?

Кузнец остановился, оглянулся, и в его глазах мелькнула настороженность. Он поставил ведро, подошёл к забору и глухо ответил:

— Дела? Да так, живём потихоньку. Ты, слышал, вернулся с победой. Молодец.

— Спасибо, — ответил Алекс, пытаясь завязать разговор. — А как дома? Всё хорошо?

Кузнец вдруг напрягся, оглянулся на свой дом, где в окне мелькнула женская тень, и понизил голос:

— Да какое там хорошо. Она меня заездила. С утра до вечера пилит, то денег мало, то я не так выгляжу, то не так разговариваю. Я уже и не знаю, как угодить. Ты вон, герой, а, поди, тоже попало от твоей? Я слышал, как она кричала на тебя утром. Соседи всё слышат.

Алекс помрачнел. Он не хотел обсуждать Лиану с чужим человеком, но внутри что-то ёкнуло — неужели это заметно со стороны? Он пожал плечами, стараясь казаться беззаботным.

— Да ничего особенного. Женщины все такие, ты же знаешь.

— Знаю, — усмехнулся кузнец, но усмешка вышла горькой. — Только раньше я думал, что это у меня одного. А ты, гляжу, в той же лодке. Ну, бывай, герой. Мне ещё дрова колоть, пока она не видит.

Кузнец подхватил ведро и поспешно скрылся за калиткой, словно боялся, что его увидят. Алекс проводил его взглядом и задумался. Его не покидала мысль: если кузнец, простой работяга, терпит такое же обращение, значит, это не случайность. Значит, это система. Война,

которую он выиграл, не имела отношения к тому, что творится за закрытыми дверями домов. Там была другая война — война, которую он не учился вести.

Ночью Алекс снова лежал на кушетке, глядя в потолок. Он вспомнил, как в походе его товарищ по оружию, старый сержант Макар, как-то сказал ему: «Парень, ты умеешь убивать драконов. Это легко. Трудно — жить с бабой. Тут тебе не клинок поможет, тут надо что-то другое.» Алекс тогда рассмеялся, подумал, что старик шутит. Теперь он понял, что тот не шутил.

За стенкой слышалось ровное дыхание Лианы — она спала спокойно, безмятежно, как будто не было никаких ссор, никаких утренних упрёков. Парень сжал кулаки, глубоко вздохнул, пытаясь успокоиться. В его голове пронеслась мысль: «А что, если я вообще перестану быть тем, кто убил Алехандро? Если я стану просто Сашей, мужем, который сидит у камина и вяжет сети?» Но эта мысль вызвала в нём острую, физическую боль — он чувствовал, как его сущность, его «я», которое он растил годами, пытается вырваться, закричать, что оно не согласно.

Он поднялся, накинул куртку и тихо спустился в подвал. Там, в темноте, пахло сыростью и старым железом. Он подошёл к сундуку, открыл его и нащупал рукоять своего боевого меча — того самого, что пронёс через все битвы. Ладонь привычно легла на эфес, пальцы сомкнулись, и по телу разлилось знакомое чувство силы. Он не вынул меч из ножен, просто держал его, прислушиваясь к себе. И впервые за эти дни почувствовал, что он — настоящий. Что без этого металла он — просто оболочка.

— Ты здесь, — прошептал парень, обращаясь к клинку. — Ты всегда будешь здесь, даже если я не беру тебя в руки. Ты — моя память. Моя совесть.

Он постоял ещё несколько минут, вдохнул запах старой кожи и металла, а потом, осторожно, положил меч обратно, закрыл сундук и поднялся наверх. Когда он проходил мимо спальни, дверь была приоткрыта, и он увидел, что Лиана перевернулась на другой бок, но не проснулась. Её лицо, освещённое лунным светом, казалось безмятежным, почти детским. Алекс остановился, глядя на неё, и почувствовал странную смесь любви и ненависти. Он любил её — ту, прежнюю, что ждала его у ворот. Но ненавидел ту, что заставила его прятать меч и чувствовать себя преступником за то, что он хочет оставаться сильным.

Он отошёл, тихо прикрыл дверь и вернулся на кушетку. Утро следующего дня началось с того, что Лиана объявила, что они идут в гости к её подруге, жене богатого торговца. Алекс вздохнул, но не стал спорить. Он оделся, причесался и пошёл за ней, как пёс на поводке.

В доме подруги было шумно и душно. Женщины пили чай с мятой и обсуждали новые ткани, сплетничали о соседях. Алекс сидел в углу, сжимая в руках чашку и чувствуя себя чужим. Подруга, круглолицая блондинка с цепким взглядом, то и дело поглядывала на него, а потом громко, чтобы слышали все, спросила:

— Лиана, а правда, что твой муж не даёт тебе прохода? Говорят, он требует, чтобы ты всё время была с ним. Неужели он такой ревнивый?

Лиана рассмеялась — звонко, неестественно — и махнула рукой:

— Ой, что ты! Он просто очень привязан. Но я его быстро приучу к порядку. На днях я запретила ему тренироваться на улице — соседи жаловались на шум. Так что теперь он сидит дома, как паинька.

Женщины засмеялись, переглянулись с каким-то пониманием. Алекс почувствовал, как кровь бросилась в лицо. Ему захотелось встать, бросить чашку на пол и сказать всё, что он думает об их пустых головах. Но он сдержался, только сжал челюсти до скрежета. Лиана в его глазах говорила о нём, как о нашкодившем мальчишке, а не о человеке, который прошёл через ад. Он молчал.

Когда они вышли на улицу, парень не выдержал.

— Зачем ты рассказала им про тренировки? — спросил он, стараясь говорить тихо, но голос предательски дрожал. — Ты выставила меня каким-то неполноценным. Перед своими подругами.

Лиана остановилась, повернулась к нему и холодно ответила:

— А ты бы хотел, чтобы они думали, что я живу с дикарём, который рубит столбы у всех на виду? Нет, милый, я защищаю нашу репутацию. И твою тоже. Если бы ты сам это понимал, мне не пришлось бы говорить за тебя.

Она пошла дальше, и Алекс поплёлся за ней, чувствуя себя никчёмным, уничтоженным. Он смотрел на её спину, на гордую осанку, и вдруг остро осознал, что война, которую он вёл с демонами, была проще, чем эта. Там был враг, и он знал, как с ним бороться. Здесь враг был невидимым, прятался за улыбками и чаепитиями, и у него не было оружия, чтобы дать отпор.

Дома он молча прошёл в свою комнату и закрыл дверь. Он взял книгу о драконах, которую привёз из похода, и попытался читать, но строчки сливались. Тогда парень встал, подошёл к стене, где висела старая карта мира, и долго смотрел на далёкие земли, отмеченные красными крестами. Там, за этими крестами, были горы, где он сражался, реки, где он пил кровь врага, леса, где он спал под открытым небом. Он захотел туда. Туда, где его уважали, где его боялись, где он был королём среди воинов. Здесь же он был всего лишь мужем, которого стыдятся.

В дверь постучали, и вошла Лиана. Увидев, что он смотрит на карту, она нахмурилась.

— Ты опять думаешь о войне? — спросила она. — Александр, это уже прошло. Живи настоящим.

— А что есть настоящее? — тихо спросил парень, не оборачиваясь.

— Мы. Наш дом. Наше будущее. Неужели тебе этого мало?

Алекс медленно повернулся, посмотрел ей в глаза и понял, что не может сказать правду. Потому что правда заключалась в том, что ему было мало. Мало чаепитий, мало тихих вечеров, мало запретов. Он хотел ощущать себя мужчиной, а не мебелью в её доме. Но он кивнул, улыбнулся через силу и сказал:

— Мне достаточно. Я просто вспоминал старые дни. Всё хорошо.

Она улыбнулась, подошла, поцеловала его в щёку и вышла. Алекс остался один, глядя в пустоту. Он знал, что это не конец. Это только начало. Но он не знал, как остановить это падение. Он был героем, который победил демона, но не умел бороться с собственной женой. И это было страшнее любой битвы.

Глава 4. Гости с севера

День начался с того, что в ворота постучали тяжелым кулаком — так стучат только те, кто привык бить, а не проситься. Александр Аргентов услышал этот грохот, когда стоял у окна и смотрел на пустой двор, где больше не было ни столба для тренировок, ни следов его вчерашнего присутствия. Парень вздрогнул, узнав этот ритм — три коротких, один долгий, — и на губах его сама собой появилась первая за несколько дней настоящая улыбка.

Лиана, сидевшая в кресле с вышиванием, подняла голову и нахмурилась:

— Кто это? И почему так громко?

— Это они, — сказал Алекс, уже направляясь к двери. — Мои товарищи. Я говорил тебе вчера — они должны были заехать. Северяне.

Девушка отложила пяльцы, и в её глазах мелькнула тень недовольства. Она поднялась, оправила платье, будто готовилась к неприятной встрече.

— Ты мог бы предупредить заранее, — бросила она ему в спину. — У меня не припасено на толпу дикарей.

Алекс не ответил, потому что уже распахнул дверь. На пороге стояли трое — огромный, как скала, Грегор, лысый, с седой щетиной, в кожаном доспехе, который всё ещё хранил следы копоти; худой и жилистый Макар с вечно прищуренными глазами; и молодой Торольф, на голову выше Алекса, с медвежьей гривой волос и шрамом через всё лицо, оставленным не клинком, а когтем демона. От них пахло дорогой, конским потом и тем особым запахом, который бывает только у людей, живущих под открытым небом — смесь дыма, кожи и мужского пота.

— Аргент! — громыхнул Грегор, и его ручища сжала плечо Алекса так, что тот покачнулся. — А мы думали, ты уже жирный и важный, сидишь на королевских харчах! А ты, гляжу, ещё жив и даже штаны не потерял.

Макар хмыкнул и ткнул пальцем в сторону двора:

— Где твой столб? Я помню, ты говорил, что рубишь его каждое утро. Забросил, или жена запретила?

Алекс усмехнулся, но в глазах его мелькнула тень. Он отступил в сторону, пропуская гостей:

— Проходите. Сейчас стол накроем.

Северяне, не дожидаясь приглашений, ввалились в дом, громко цокая сапогами по чистому полу. Грегор тут же направился к столу, сел, не спрашивая, и положил свои мозолистые руки на столешницу. Торольф прислонил к стене огромный топор, который носил на плече, и с любопытством оглядел убранство — чистые занавески, вышитые подушки, безделушки на полках. Макар подошёл к камину, где ещё не разожгли огонь, и покачал головой:

— Холодно у тебя, Аргент. В походе теплее было.

Лиана стояла в дверях кухни, скрестив руки на груди. Алекс подошёл к ней, взял за локоть:

— Это Грегор, Макар и Торольф. Мы прошли всю кампанию вместе. Они решили навесить меня по пути на север.

Девушка смерила гостей взглядом — холодным, оценивающим, как мясник смотрит на тушу. Грегор перехватил этот взгляд и оскалился в усмешке, обнажая щербатые зубы:

— Здравствуй, хозяйюшка. Ты, никак, та самая Лиана? Парень о тебе на каждой стоянке рассказывал. Мы уж думали, ты — золотая, а ты... вроде обычная.

Лиана побледнела. Пальцы её стиснули рукав платья. Она повернулась к Алексу, и в голосе её зазвенел лёд:

— Почему ты не сказал, что они придут? Ты мог бы хотя бы предупредить, чтобы я приготовилась.

Парень открыл рот, чтобы ответить, но Грегор его опередил, хлопнув по столу:

— А чего готовиться? Мы не короли, мы солдаты. Нам бы хлеба кусок да кружку чего покрепче. Ты, хозяйка, не бойсь, мы с собой припасы принесли. Вон, Торольф, тащи мешок!

Молодой великан уже стоял у входа с кожаным мешком, из которого торчали горлышки бутылей и свёрток вяленого мяса. Он поставил мешок на пол, и из него выкатилась большая головка сыра, которую Торольф подхватил на лету и водрузил на стол.

— Это вам, — сказал он, и голос его звучал глухо, как из бочки. — Мы знали, что у вас тут небогато.

Лиана не произнесла ни слова. Она развернулась и исчезла за дверью кухни, откуда вскоре донесся грохот кастрюль — она явно гремела посудой специально, чтобы показать, как недовольна.

Алекс сел за стол, чувствуя себя неловко. Макар хлопнул его по спине:

— Да брось. Все бабы такие. Моя тоже сначала меня за порог не пускала, пока я не дал ей по рукам. А ты, вижу, уже под каблуком.

— Не говори так, — нахмурился Торольф. — Аргент — герой, он не может быть под каблуком.

— А то я не вижу, — хмыкнул Макар и указал на пустую стену над камином. — Где твой боевой клинок? Где знамя Алехандро? Я ещё в столице слышал, что ты их в параде нёс. А здесь не видно. Спрятал, чтобы жену не пугать?

Алекс мрачно посмотрел на товарища и тихо сказал:

— В подвале. Она сказала, что соседи боятся.

Грегор присвистнул и громко рассмеялся, но смех его был безрадостным:

— Соседи боятся! Слышь, Макар! Аргент, убийца демонов, прячет свои трофеи от соседей! Да ты, парень, превратился в домохозяйку, пока нас не было.

— Заткнись, Грегор, — негромко сказал Алекс. — Ты не знаешь, что здесь было. Это не война, это... по-другому.

— Да вижу, что по-другому, — отозвался Торольф, садясь напротив и вынимая из-за пояса небольшую флягу. — Ты бледный, под глазами круги. Она тебя не кормит, что ли? Держи, хлебни.

Парень взял флягу, сделал глоток. Обжигающий напиток разлился по горлу, и на миг ему стало легче. Он оглядел своих товарищей — этих грубых, неотёсанных мужчин, которые в бою прикрывали его спину, которые никогда не спрашивали, что он чувствует, потому что всё и так было видно. Они знали, кто он такой. Они помнили его в деле, видели, как он рубил демонов, как не отступал, как поднимал боевой дух, когда все падали.

— Я рад, что вы пришли, — произнёс Алекс, и голос его дрогнул. — Честно. Я уже начал забывать, каково это — говорить по душам с теми, кто тебя понимает.

— Так и говори, — буркнул Грегор. — А баба твоя пусть пока на кухне пошумит. Мы не долго.

Из кухни донесся звон разбитой тарелки. Алекс вздрогнул. Макар прищурился и шепнул:

— Намёк понял. Слушай, Аргент, а ты ничего, что она своими руками в нас чем-то швыряется? Ты герой или тряпка? Скажи ей, чтобы уважала твоих друзей.

— Не могу, — ответил парень, чувствуя, как стыд обжигает щёки. — Она... у неё непростой характер. Она ждала меня год. Переживала.

— Ждала, переживала, — хмыкнул Торольф. — Судя по тому, как она на нас смотрит, она скорее переживала, что ты вернулся.

Северяне засмеялись, но Алекс не поддержал смех. Он слышал шаги — Лиана выходила из кухни. Девушка появилась в дверях с подносом, на котором лежали несколько ломтей хлеба,

кусок масла и холодное мясо — явно не то, что готовилось для званого ужина. Она поставила поднос на край стола и, не глядя на гостей, сказала:

— Вот, угощайтесь. Если этого мало — в городе есть таверна.

Грегор нахмурился, но промолчал. Макар взял кусок хлеба, демонстративно откусил и, жуя, заметил:

— Спасибо, хозяйка. Добрый хлеб. Правда, на юге у нас помягче, но мы солдаты, мы непривередливые.

Лиана резко развернулась и ушла обратно в кухню, хлопнув дверью. Торольф посмотрел на Алекса с сочувствием:

— Аргент, ты точно уверен, что эта женщина тебя любит? Я понимаю, у всех бывает, но она даже не попыталась улыбнуться. Хотя бы ради твоей чести.

Парень потёр лицо ладонями и тихо сказал:

— Она устала. Я вернулся, а она привыкла быть одна. Всё наладится. Просто дайте ей время.

Макар хмыкнул и налил себе из фляги, которую принёс Торольф:

— Время? Аргент, мы повидали всякое. Но если баба не уважает мужниных друзей — значит, она не уважает и самого мужчину. Мы с тобой в крови и грязи ползали, а она нам — холодное мясо на деревянной тарелке. Она нас не приняла. Значит, и тебя она не принимает.

Алекс хотел возразить, но слова застряли. Внутри него зашевелилось то самое чувство, которое он старался заглушить — сомнение. Он посмотрел на своих друзей, таких настоящих, грубых, но честных. Они не ввали. Они говорили то, что видели. А видели они, что Лиана презирает их, и, значит, презирает его за то, что он связан с ними.

Торольф поднялся, подошёл к окну, выглянул во двор:

— Дом у тебя хороший. Забор крепкий, крыша надёжная. Но душно здесь. Как в клетке. Ты не хочешь с нами на север? Мы идём в вольные земли. Там тебя помнят. Ты там нужен.

— Не могу, — прошептал Алекс. — Я дал слово, что останусь с ней.

Грегор фыркнул:

— Слово? А слово война? Мы тебя клятвой брали, что никогда не бросим друг друга в бою. Но ты уже бросил нас. Не в бою, так в жизни. Ты теперь не боец, ты — тень.

Парень встал, чувствуя, как в груди поднимается волна гнева, смешанного с обидой. Он шагнул к Грегору, но тот поднял руку:

— Не кипятись. Я сказал правду. Ты сам это знаешь. Если хочешь вернуться — мы в Крепких Камнях до осени. Там есть работа для таких, как ты. А здесь ты просто сгниёшь.

— Оставьте меня, — выдал Алекс, чувствуя, что голос срывается. — Я сделал свой выбор.

Макар покачал головой и поднялся:

— Твой выбор, Аргент. Мы не враги тебе. Но мы не хотим смотреть, как ты умираешь по кусочку. Если надумаешь — ищи нас.

Он пошёл к двери. Грегор и Торольф последовали за ним. Алекс проводил их взглядом, и когда за ними захлопнулась калитка, в доме наступила звенящая тишина.

Лиана вышла из кухни, скрестив руки на груди. Её лицо было белым, губы сжаты в тонкую нить.

— Ну что, ушли твои варвары? — спросила она ледяным голосом. — Надеюсь, они больше не появятся. Я не намерена кормить эту ораву. И вообще, как ты мог их привести? Ты что, не понимаешь, что они нас опозорят? Соседи увидят, что к нам ходят эти... бандиты.

Алекс медленно обернулся. Он стоял у стола, глядя на неё, и в его глазах горело что-то, чего она раньше не видела — усталость, отчаяние и тень прежней стали.

— Они — мои товарищи, — произнёс парень глухо. — Они прошли со мной ад. Они заслуживают уважения. Они ели со мной из одного котла, когда я умирал от голода. А ты выставила их как шайку.

— Ты привёл их, не спросив меня! — крикнула девушка, и в голосе её зазвучала истерика. — Это мой дом! Я здесь хозяйка! И я не хочу, чтобы здесь топтались эти дикари, пахли конским потом и пили моё вино!

— Они принесли своё вино, — тихо ответил Алекс. — Они принесли сыр, мясо, хлеб. Они не просили у тебя ничего.

— Они просили твоё внимание! Они хотели увести тебя от меня! — Лиана шагнула к нему, впила пальцами ему в плечо. — Ты слышал, что они говорили? «На север, на север». Они хотят забрать моего мужа, оставить меня одну. Ты что, позволишь им?

Алекс мягко снял её руку со своего плеча. Он смотрел на неё и видел чужое лицо — не ту девушку, которую он любил, а что-то иное, почти чудовищное в своей требовательности.

— Лиана, они не хотели увести меня. Они хотели увидеть, жив ли я. Они беспокоились. Как и ты, — добавил он с горечью. — Но ты даже не улыбнулась им. Ты не сказала ни одного доброго слова. Ты унизила меня при них.

— Я унизила тебя? — её голос сорвался на визг. — Это ты меня унижаешь! Ты привёл этих... этих оборванцев, они сидели за моим столом, пили мою посуду, и ты смеешь говорить, что это я виновата?!

Она схватила со стола тарелку с остатками хлеба и с силой бросила об стену. Глина разлетелась на сотню осколков, раздался звон. Алекс отшатнулся, увидев, как она трясётся, как её глаза наливаются слезами.

— Ты не уважаешь меня, — закричала девушка. — Ты не ценишь, что я ждала тебя, что я страдала, пока ты там воевал. А ты приходишь и приводишь свою банду, и они смотрят на меня, как на пустое место. Я ненавижу их! И тебя я начинаю ненавидеть!

С этими словами она выбежала в спальню и захлопнула дверь. Алекс остался стоять посреди разгромленной комнаты, среди осколков тарелки, глядя на закрытую дверь. В груди его бушевала буря — ярость, обида, страх. Он не знал, что делать. Он шагнул вперёд, поднял руку, чтобы постучать, но опустил. Он не мог просить прощения за то, что не считал виной. И не хотел кричать.

Он опустился на колени, собрал осколки глины в кучку, положил их на совок. Потом подошёл к двери спальни и прижался лбом к холодному дереву.

— Лиана, — позвал он тихо. — Я не хотел тебя обидеть. Я просто хотел, чтобы ты увидела, кто я есть. Мои друзья — часть меня. Если ты не принимаешь их, ты не принимаешь и меня.

Из-за двери не донеслось ни звука. Только тихое, сдавленное всхлипывание. Алекс постоял так несколько минут, потом отошёл, подошёл к окну и посмотрел на улицу. Смеркалось. В соседнем дворе кузнец зажигал лампу, и Алекс увидел, как его жена стоит на крыльце и что-то кричит ему, размахивая руками. Кузнец понурился и полез в сарай.

Парень сжал кулаки. Он понял, что его война не закончилась. Она только началась — другая война, в которой нет оружия, нет приказов, нет линии фронта. В этой войне он был один, и никто не мог прикрыть ему спину.

Он сел за стол, взял флягу, которую оставил Торольф, и сделал ещё один глоток. Потом закрыл глаза и увидел перед собой демона Алехандро — тот улыбался ему с того света и шептал: «Ты думал, что я — главный враг? Ты ошибся, Аргент. Главный враг уже ждёт тебя дома.» Алекс открыл глаза, и в них горела тусклая ярость. Он знал, что должен что-то делать. Но не знал, что именно. И это было хуже любой битвы.

Глава 5. Манипуляция головной болью

Утро после ссоры встретило Александра Аргентова серым светом, который сочился сквозь щели в шторах, и тяжёлой, как свинец, тишиной. Парень не спал почти всю ночь — лежал на кушетке, глядя в тёмный потолок, прислушиваясь к звукам из спальни, где его жена иногда всхлипывала, но больше не плакала, просто лежала неподвижно, будто её там не было вовсе. Под утро Алекс провалился в короткий сон без сновидений, но проснулся разбитым, с противным привкусом металла во рту, который не могли смыть ни вода, ни холодный чай.

Он поднялся, умылся, привёл себя в порядок и, прежде чем идти на кухню, остановился у двери спальни. Приложил ладонь к дереву — оно было холодным, как и её молчание. Парень набрал в грудь воздуха и тихо позвал:

— Лиана. Я приготовлю завтрак. Выходи, когда будешь готова.

Ответа не последовало. Только тишина, такая плотная, что её можно было резать ножом. Алекс помедлил ещё мгновение, потом развернулся и пошёл в кухню. Он решил, что исправит положение. Сегодня он будет идеальным мужем — приготовит то, что она любит, принесёт цветы, улыбнётся и не будет спорить. Он должен показать ей, что его друзья — случайность, что он выбрал её, а не их.

На кухне парень отыскивал муку, яйца, масло. Он умел готовить — ещё в походах они сами стряпали на кострах, и простые вещи, вроде омлета или лепёшек, давались ему легко. Алекс замесил тесто, поставил сковороду на огонь, нарезал зелень, которую нашёл в горшочке на подоконнике. Пахло жареным маслом, и этот запах наполнил дом чем-то почти домашним. Он надеялся, что этот запах выманит её из комнаты.

Лиана появилась через полчаса, когда завтрак был уже остывать. Она была одета в простое домашнее платье, волосы не убраны, лицо бледное, под глазами круги. Она села за стол, не глядя на мужа, и молча отодвинула тарелку.

— Я сделал омлет с зеленью, — сказал Алекс, стараясь, чтобы голос звучал тепло. — Как ты любишь. Ты ведь любила его когда-то.

Девушка подняла взгляд — в нём было столько ледяного спокойствия, что парень невольно сглотнул. Она взяла вилку, поковырялась в омлете, отправила в рот кусочек, прожевала и отодвинула тарелку.

— Пересолено, — сказала она сухо. — Ты всегда не умел солить.

Алекс хотел возразить — он пробовал, было нормально. Но не стал. Он просто кивнул и сказал:

— В следующий раз я сделаю меньше. Может, чаю? Я заварил мятный.

— Не хочу, — ответила она, поднимаясь. — Пойду приберусь в гостиной. Вчера остались крошки от твоих... друзей.

Она произнесла слово «друзья» так, будто это было ругательство. Парень сжал зубы, но снова промолчал. Он убрал со стола, вымыл посуду, а потом пошёл в гостиную, где Лиана уже наводила порядок, гремя предметами так, что звон стоял на весь дом. Она пылесосила, протирала, переставляла вазы, и в каждом её движении чувствовалась нервная, почти маниакальная энергия.

— Лиана, — позвал Алекс, подходя ближе. — Можно я помогу? Что мне сделать?

— Ничего, — бросила она, не оборачиваясь. — Ты и так наделал достаточно.

Он остановился как вкопанный. Слова её были как пощёчина. Он хотел сказать, что не виноват, что он просто хотел видеть товарищей, что у него тоже есть друзья, но она снова не дала ему сказать. Она резко развернулась, сжимая в руках тряпку, и посмотрела ему прямо в лицо.

— Ты даже не понимаешь, что сделал. Они сидели за этим столом, они смеялись, они рассматривали меня, как... как я не знаю. Как кусок мяса. А ты стоял и улыбался. Ты не защитил меня.

— Защитил от чего? — спросил парень с недоумением. — Они не сделали тебе ничего плохого. Они говорили о битвах, о походах. Они не трогали тебя.

— Они смотрели на меня! — выкрикнула женщина, и голос её дрогнул. — И ты не сказал ни слова, чтобы они уважали меня. Ты позволил им в мой дом, в мою кухню. Ты позволил им смотреть на меня с этой... насмешкой. Ты предал меня!

Алекс почувствовал, как у него начинает болеть голова — тягуче, тупо, от напряжения. Он приложил ладонь ко лбу и тихо сказал:

— Я не хотел тебя предавать. Я просто не думал, что это будет так важно.

— Ты вообще много о чём не думаешь! — бросила она ему в лицо и, развернувшись, выбежала в сад.

Весь день они почти не разговаривали. Алекс несколько раз пытался подойти к ней, чтобы поговорить, но она отмахивалась, находила себе дела, уходила в комнаты, пряталась за книгами или вышиванием. Парень сидел у окна, смотрел, как за окном пролетают облака, и чувствовал себя ничтожеством. Он, убивший демона, спасший мир, не мог добиться от собственной жены даже простого разговора.

К вечеру он решился на последнюю попытку. Солнце уже клонилось к закату, в доме стало прохладно, и Алекс зажёл камин. Огонь мягко осветил комнату, создал уютное, почти романтическое освещение. Он подошёл к Лиане, сидевшей в кресле с книгой, и опустился перед ней на колени, взял её руки в свои.

— Любимая, — начал он, и в голосе его звучала мольба. — Давай поговорим. Прости меня, если я что-то сделал не так. Я не хочу ссориться. Я хочу быть с тобой. Мы так долго не виделись, а теперь ссоримся каждый день. Это невыносимо.

Девушка подняла глаза от книги. Она смотрела на него сверху вниз, и в этом взгляде не было тепла, только усталая холодность. Она медленно высвободила руки из его ладоней и закрыла книгу.

— Александр, — сказала она ровным, безжизненным голосом. — Я устала. У меня сегодня просто ужасная головная боль. Наверное, от всех этих нервов, которые ты мне устроил.

Он опешил. Головная боль? Она говорила это так, как будто речь шла о чём-то тривиальном, в то время как он стоял на коленях и умолял её о прощении.

— Я понимаю, — быстро сказал парень. — Я принесу тебе чай, тёплое молоко, я могу сделать массаж висков. Помнишь, в прошлом году, когда у тебя болела голова, я помогал. Ты говорила, что у меня золотые руки.

Он потянулся к ней, хотел коснуться её висков, но она резко отодвинулась, встала с кресла и отошла к окну, подальше от него. Её спина была напряжена, плечи подняты.

— Не надо, — сказала она категорично. — Я просто хочу лечь. Мне нужен покой. Твой массаж только хуже сделает. Ты так тяжело дышишь, так сильно давишь, что я потом всю ночь не могу уснуть.

Алекс застыл на коленях, глядя ей в спину. Он чувствовал себя дураком — деревянным, неуклюжим, не понимающим, где он сделал не так. Он медленно поднялся, подошёл к ней и осторожно коснулся её плеча.

— Тогда давай я просто посижу рядом. Молча. Я не буду тебя трогать. Просто буду рядом.

Девушка повернулась, и в её глазах мелькнула такая острая досада, что парень отшатнулся.

— Ты не слышишь, что я говорю? — сказала она, и голос её зазвенел. — У меня болит голова. Мне нужно, чтобы меня никто не трогал, никто не дышал рядом, никто не ходил вокруг.

Если бы ты любил меня, ты бы понял это и оставил меня в покое. А ты всё лезешь, лезешь... Как ребёнок. Ты не умеешь уважать чужое пространство.

Эти слова упали как камни. Алекс отступил на шаг, потом на два. Он хотел сказать, что он не лезет, что он просто хочет быть с ней, что он не мог быть рядом год и теперь хочет наверстать. Но она смотрела на него с такой укоризной, с таким явным раздражением, что все слова застряли в горле. Он молча кивнул и вышел в коридор.

В гостиной он остановился, прижался спиной к стене и закрыл глаза. В груди kloкотало — обида, разочарование, злость на самого себя за то, что не может найти нужных слов. Он слышал, как Лиана закрыла дверь спальни на засов. Этот звук был как приговор.

Ночь он провёл на кушетке снова. Ветер за окном выл, ветви деревьев стучали по стеклу, и Алекс лежал, перебирая в голове события дня. Он думал о том, как она сказала: «Если бы ты любил меня, ты оставил бы меня в покое». Но любовь — это разве оставление в покое? Любовь — это присутствие, забота, желание быть рядом. Он не понимал, как его желание быть с ней превратилось в преступление.

В какой-то момент он вспомнил прошлое — первый год их знакомства. Тогда она была другой. Она смеялась, когда он учил её держать кинжал. Она просила его рассказывать о битвах, даже когда он боялся напугать её. Она приходила к нему в казармы, приносила пирожки и целовала в щёку при всех. А теперь... теперь он не узнавал её. Или он не узнавал себя? Может быть, он действительно изменился? Может быть, война сделала его грубым, неуклюжим, не способным на нежность?

Он встал, подошёл к зеркалу, висевшему в коридоре, и всмотрелся в своё отражение. Там был мужчина с глубокими тенями под глазами, с жёсткими складками у рта, которых раньше не было. Шрам от клинка демона белел на скуле. Парень провёл пальцем по этому шраму и вспомнил тот миг, когда получил его. Тогда он не думал, что это будет напоминать ему о чём-то, кроме победы. Теперь он видел в этом шраме знак того, что он стал другим. Может быть, страшным? Может быть, она права, что боится его?

Он отошёл от зеркала, вернулся на кушетку и уставился в темноту. Где-то за стеной спала его жена, и он не мог к ней прикоснуться, не мог даже постучать в дверь, потому что это было бы «неуважением к её пространству». Он чувствовал себя запертым в клетке, которую сам для себя построил. Он не знал, как вырваться из этого круга, где все его попытки приблизиться оборачивались обвинениями.

На рассвете он услышал, как в спальне кто-то завозился, и через несколько минут Лиана вышла в коридор, одетая, свежая, как будто не было никакой ссоры. Она даже улыбнулась ему, когда увидела его на кушетке — той улыбкой, которая не касалась глаз.

— Доброе утро, — сказала она беззаботно. — Как спалось?

Алекс сел, потёр переносицу, чувствуя, что голова раскалывается от недосыпа.

— Ужасно, — честно ответил он. — Я почти не спал.

— А я спала как убитая, — сказала она и, подойдя к нему, потрепала его по волосам. — Видишь, как хорошо, что ты меня не трогал. Мне стало легче. Ты поступил правильно.

Она поцеловала его в макушку и прошла на кухню, оставив Алекса в полной растерянности. Она говорила так, как будто всё было в порядке, как будто вчерашние слёзы и обвинения остались в прошлом. Но парень чувствовал — это ненадолго. Это как затишье перед бурей.

Он поднялся, пошёл на кухню. Лиана уже кипятила чайник, напевала какую-то мелодию. Она налила ему чаю, поставила перед ним тарелку с кашей и улыбнулась той светлой, почти невинной улыбкой, которую он так любил раньше. Но теперь эта улыбка казалась ему фальшивой, как маска.

— Ты сегодня пойдёшь на рынок? — спросила она, будто ничего не случилось. — Мне нужны нитки, синие, вот образец.

Она положила перед ним маленький клочок ткани. Алекс взял его, посмотрел на нитки и кивнул.

— Конечно. Я всё сделаю.

— Ты такой заботливый, — сказала она и снова коснулась его руки. — Я ведь тебя люблю, ты знаешь?

Парень смотрел на неё, и в его голове крутилось: если она любит, то почему она вчера кричала, почему она закрылась, почему она не позволила ему быть рядом? Но он не спросил. Он боялся. Он боялся, что если спросит, она снова расплчется, снова обвинит его, и всё начнётся по новой. Он просто кивнул и сказал:

— Я тоже тебя люблю.

Но он произнёс эти слова в пустоту, потому что она уже отвернулась к окну и смотрела на сад, словно его голос был лишь звуком ветра. Алекс допил чай, взял образец ниток и вышел на улицу, чувствуя себя больше не мужем и не героем, а посыльным, который выполняет поручения, чтобы заслужить хоть минутный покой.

На рынке было шумно илюдно, и этот шум почти раздражал парня. Он купил нитки, а заодно и несколько яблок, которые она любила. По дороге домой он встретил кузнеца Грегора — тот стоял у своей калитки и грустно смотрел на небо.

— Привет, герой, — буркнул кузнец. — Вижу, ты всё ещё жив. А она тебя не заела?

Алекс остановился, сжал в руке мешочек с нитками и яблоками и горько усмехнулся:

— Заела, Грегор. Ещё как заела.

— Значит, ты теперь как я, — хмыкнул кузнец, покачав головой. — Слушай, парень. Я тебе дам совет. Не давай ей вить из тебя верёвки. Остановись, пока не поздно. Я не остановился, и теперь я тут, у своей калитки, как собака, которая ждёт, когда её пнут. Ты герой, ты можешь уйти.

— Я не могу уйти, — тихо ответил Алекс. — Я дал слово.

— Слово? — Кузнец фыркнул. — Слово можно нарушить, если тебя убьют им же. Ты видишь, она тебя делает из себя тряпку. Сегодня головная боль, завтра что-то ещё. Я знаю. Моя точно так же начинала. Сначала запретила друзей, потом запретила работу, потом стала говорить, что я слабак. И где я теперь? На привязи. Не делай так.

Алекс посмотрел на кузнеца, и впервые он увидел в его глазах не слабость, а предупреждение. Он кивнул, поблагодарил и пошёл дальше, но слова застряли в голове. Он знал, что Грегор прав. Но он не знал, как остановиться. Каждый раз, когда он пытался сопротивляться, она плакала, и ему было больнее от её слёз, чем от своих обид. Он шёл домой, сжимая нитки и яблоки, и чувствовал, что идёт на плаху.

Вечером он передал ей покупки. Она улыбнулась, поцеловала его в щёку и снова ушла в свою комнату, оставив его одного с чашкой остывшего чая. Алекс сидел за столом, смотрел на огонь в камине, и думал о том, как он оказался в этой ловушке. Он спас мир, он убил демона, а теперь не мог справиться с тихой, почти невинной войной в собственном доме. И в этой войне он проигрывал. Он проигрывал, потому что не мог ударить в ответ. Потому что его оружие не работало против слёз и головной боли. Потому что он был героем, но не был мужем. И разница между этими двумя ролями, как он начинал понимать, была не в силе, а в умении защищать свои границы, которые она стирала одну за другой.

Глава 6. Воспоминание: Жрица у врат

Он сидел на крыльце, когда солнце начало клониться к закату, и тени от старого клёна вытянулись по земле, словно чьи-то длинные пальцы. Александр Аргентов сжимал в руках кружку с остывшим чаем, но не пил — просто держал, чувствуя, как керамика холодит ладони, а внутри, в груди, пульсирует та же глухая боль, что не отпускала его уже третьи сутки. Дом за спиной был тих. Лиана ушла к подруге, сказав, что ей нужно проветриться, и парень остался один, предоставленный самому себе и своим мыслям, которые, как тараканы, выползали из всех щелей его сознания.

Он смотрел на дорогу, по которой утром проходили его товарищи — Грегор, Макар, Торольф. Их следы уже стёрлись, пыль осела, и только память сохранила их голоса, их смех, их суровые лица, которые смотрели на него с тревогой. Они видели, что он стал другим. Они предупреждали. А он, как слепец, отмахивался, думая, что всё наладится. Но ничего не налаживалось. Наоборот, трещина между ним и Лианой разрасталась с каждым днём, превращаясь в пропасть, которую он не мог перепрыгнуть, потому что не понимал, с какой стороны стоит.

Ветер шевельнул ветки клёна, и на землю упал сухой лист. Парень проводил его взглядом и вдруг почувствовал, как в голове что-то щёлкает — как замок, открывающий потайную дверь. Перед глазами поплыло, и реальность начала таять, уступая место картине прошлого, яркой, живой, почти осязаемой. Он не пытался остановить это воспоминание. Он позволил ему нахлынуть, потому что в нём было тепло, которого так не хватало сейчас.

...Это было за день до финальной битвы с Алехандро. Армия стояла лагерем у подножия Чёрных гор, где воздух был разреженным и холодным, а небо вечно затянуто багровыми тучами, которые, казалось, питались кровью павших. Александр тогда ещё не носил титула Богоборца — он был просто молодым командиром авангарда, тем, кто вёл людей в атаку, не думая о смерти, потому что верил, что его ждёт дом, ждёт она, Лиана, с распростёртыми объятиями.

Вечером, когда лагерь стих, и только дозорные ходили вдоль частокола, к нему пришла женщина. Она не была похожа на бойцов — высокая, тонкая, одетая в простые белые одежды, какие носили жрицы в храмах на юге. Её волосы, цвета воронова крыла, были распущены, и в них мерцали серебряные нити, которые парень сначала принял за украшения, но потом понял — это седина, но седина не от старости, а от силы, которая жила в этой женщине и сжигала её изнутри.

— Ты тот, кто пойдёт на Алехандро, — сказала она, и голос её звучал как шёпот ветра в пещере. — Меня зовут Сирена. Я жрица Последнего Храма. Я видела тебя во сне, Александр Аргентов.

Парень тогда удивился, что она знает его имя, но не подал виду. Он стоял у костра, протянув руки к огню, и смотрел на неё с настороженностью, которая стала привычной за месяцы войны.

— Зачем ты пришла? — спросил он. — У нас нет жриц. Мы сами сражаемся, и у каждого своя вера.

— Я пришла не молиться, — ответила она, делая шаг вперёд. Огонь осветил её лицо — красивое, но измождённое, с высокими скулами и глазами такого глубокого серого цвета, что они казались почти чёрными. — Я пришла предложить тебе то, что ты можешь потерять завтра. Жизнь, любовь, тепло. Завтра ты можешь умереть, Александр. Или победить. Но если ты победишь, ты будешь героем. А герои часто забывают, что значит быть человеком. Я могу напомнить тебе, пока ты ещё здесь, пока твоя кровь горяча.

Она подошла ближе, и парень почувствовал её запах — ладан, полынь и что-то терпкое, как сухое вино. Её рука коснулась его груди, и пальцы её были такими же холодными, как и взгляд, но в этом холоде не было отторжения, только странная, древняя нежность.

— Ты предлагаешь мне... это? — спросил Алекс, и в голосе его послышалось удивление. — За день до битвы? Я должен быть сосредоточен, а не...

— А не думать о том, что будет после? — перебила она, и в уголках её губ промелькнула улыбка — грустная, всезнающая. — Я не прошу тебя о клятвах. Я прошу тебя о мгновении. Об одном мгновении тепла, которое согреет тебя в вечности, если ты не вернёшься. Ты уходишь на смерть, Александр. И ты думаешь о ней, о той, что ждёт далеко. Но она не здесь. Она не увидит, как ты падёшь. А я увижу. Я буду рядом. Я могу быть твоей последней памятью о жизни.

Парень тогда отступил на шаг. Он смотрел на неё, на эту странную жрицу, и в его груди боролись два чувства: желание — сильное, почти животное, которое просыпалось в каждом мужчине перед битвой, когда смерть казалась близкой и реальной; и верность — той, другой, которая ждала его в далёком городе и которую он поклялся любить до конца дней.

— Нет, — сказал он твёрдо, и голос его дрогнул лишь на самую малость. — Я не могу. У меня есть женщина. Я обещал ей, что вернусь. И я вернусь.

Жрица не стала настаивать. Она опустила руку, кивнула, и в её глазах мелькнуло что-то похожее на уважение.

— Ты верный, — сказала она. — Это хорошо. Но запомни мои слова, Александр Аргентов. Верность — это не только не брать чужого. Это ещё и не отдавать своё без боя. Ты идёшь к демону. Но ты, возможно, уже встретил своего демона, и он живёт не в горах.

Она развернулась и пошла прочь, белые одежды колыхались на ветру. Алекс смотрел ей вслед, и почему-то её слова застряли в его памяти, хотя тогда они показались ему просто загадочным предупреждением, которое жрица обязана была произнести, чтобы соответствовать своему статусу.

На следующее утро он пошёл на Александро. Он рубился, падал, вставал, терял кровь, но победил. Он думал о Лиане, когда клинок демона почти коснулся его горла. Он думал о ней, когда добивал поверженного врага. И в тот момент, когда его лицо озарил свет победы, он снова увидел лицо жрицы — она стояла среди руин храма и улыбалась ему. Но он не обратил на неё внимания. Он спешил домой. Он спешил к своей любви.

Воспоминание растворилось так же внезапно, как и появилось. Александр моргнул, и вместо багрового неба Чёрных гор увидел тихий закат над своим двором, вместо запаха ладана и крови — запах скошенной травы и сырости. Он снова был здесь, в этом доме, который должен был стать его убежищем, но стал клеткой. Кружка в руках уже совсем остыла, и парень поставил её на ступеньку, провёл рукой по лицу, чувствуя, как пальцы слегка дрожат.

Он поднялся, прошёл в дом, остановился у двери спальни, где Лиана спала по ночам, когда он лежал на кушетке. Дверь была открыта — она ушла, и комната пустовала. Алекс заглянул внутрь, увидел её платье на вешалке, её духи на туалетном столике, её расчёску. Всё было на своих местах, но всё было чужим. Чужим, как она сама.

Он сел на край кровати, провёл рукой по покрывалу. Вспомнил, как жрица Сирена коснулась его груди. Её пальцы были холодными, но в них было желание — настоящее, неподдельное, которое не требовало условий. Она не просила его измениться, не просила спрятать меч, не кричала на него за то, что он привёл друзей. Она просто хотела его. Там, в преддверии смерти, она хотела разделить с ним его последнее мгновение жизни. А здесь, в мирном доме, его жена отворачивалась к стене, ссылаясь на усталость и головную боль.

Парень закрыл глаза, и перед ним снова возник образ Сирены, но теперь он был окрашен иначе. Он думал о том, что мог бы провести ту ночь с ней. Что мог бы узнать её тело, её голос,

её тепло. Он отказался из верности. Из-за той самой верности, которая сейчас разбивалась о холодный камень Лианиного безразличия. И в этой мысли было столько горечи, что Алекс почувствовал, как внутри него закипает что-то тёмное, почти яростное.

— Ты мог бы быть с ней, — прошептал он сам себе. — Она хотела тебя. Ты был героем. А теперь ты никто. Ты просто муж, которого не хотят.

Он встал, прошёл к окну, посмотрел на улицу. В соседнем дворе кузнец таскал дрова, а его жена стояла на крыльце и что-то кричала ему. Кузнец опускал голову и таскал быстрее. Алекс видел это каждый день, и с каждым днём этот образ всё больше напоминал ему его собственную жизнь. Он подумал: а что, если он поступил бы иначе в ту ночь? Что, если бы он принял предложение жрицы? Может быть, он бы не чувствовал себя сейчас таким опустошённым? Может быть, он бы знал, что значит быть желанным, и не боялся бы, что это чувство может исчезнуть в любой момент?

Он тряхнул головой, отгоняя эти мысли. Он не мог изменить прошлое. Но он мог изменить настоящее. Или, по крайней мере, попытаться понять, что с ним происходит. Он вернулся в гостиную, сел в кресло и уставился на камин, где догорали угли. В памяти всплыла жрица, её слова: «Ты уже встретил своего демона, и он живёт не в горах.» Тогда он не понял. Теперь он начинал понимать. Демон жил в этом доме, в этой женщине, которая плакала, когда он хотел быть рядом, и улыбалась, когда он уходил. Демон жил в его собственном страхе потерять её, страх, который превращал его в тряпку.

Алекс почувствовал, как в груди закипает гнев — не на неё, а на себя. На свою слабость, на свою наивность, на то, что он позволил себя приручить, когда должен был оставаться воином. Он вспомнил, как жрица смотрела на него — с желанием, с уважением. Она видела в нём мужчину. А Лиана видела в нём инструмент, который должен служить её комфорту.

Парень поднялся, подошёл к двери подвала, открыл её и спустился вниз. Там, в темноте, пахло сыростью и старым железом. Он открыл сундук, где лежали его доспехи, и провёл рукой по холодной стали нагрудника. В темноте ему почудилось, что он слышит голос Сирены: «Ты верный. Это хорошо. Но не отдавай своё без боя.» Он сжал рукоять меча, которая торчала из ножен, и почувствовал, как по телу разливается знакомое чувство силы. Он не вынул меч, не стал махать им — он просто держал его, чувствуя, как сталь отвечает на его прикосновение.

— Я не отдам себя без боя, — прошептал он во тьме. — Я не позволю ей убить меня. Она может убить моё тело, но не мою суть.

Он постоял так несколько минут, потом осторожно положил меч обратно и закрыл сундук. Когда он поднялся наверх, в доме по-прежнему было тихо. Лиана ещё не вернулась. Алекс сел на кухне, налил себе чай и стал думать о том, что делать дальше. Он понимал, что не может продолжать так жить — в постоянном страхе, в вечном ожидании, в унижении. Он должен был что-то изменить. Но что? Он не знал.

В этот момент в дверь постучали. Алекс встал, подошёл к двери, открыл. На пороге стоял мальчишка-посыльный, запыхавшийся, с грязным лицом.

— Господин Аргентов? — спросил он, протягивая письмо, запечатанное сургучом. — Вам письмо из столицы. От королевского совета.

Парень взял письмо, поблагодарил мальчика и закрыл дверь. Он вскрыл печать и пробежал глазами по строкам. Король напоминал ему о предстоящем собрании, на котором должны были обсуждаться награды для участников похода. Его просили явиться через неделю. Алекс свернул письмо и положил в карман. Это было напоминанием о том мире, где он ещё имел вес, где его слова слушали, где его уважали.

Он посмотрел на письмо, потом на пустую спальню, потом на подвал, где лежали его доспехи. И внезапно в его голове созрела мысль: он не должен сидеть здесь и ждать, пока она вернётся. Он должен напомнить себе, кто он такой. Он должен найти способ вернуть себя.

Лиана вернулась, когда уже стемнело. Она была в хорошем настроении, улыбалась, что-то рассказывала о подруге. Алекс слушал её, но в его голове уже созрел план. Он будет терпеть, но он не сдастся. Он будет ждать подходящего момента, чтобы напомнить ей, а главное — себе, что он не просто муж, который боится головной боли жены. Он — Александр Аргентов, убийца демонов, герой, который прошёл через огонь и воду. И он не позволит никому, даже той, кого любит, стереть его в порошок.

Глава 7. Отказ от короны

Письмо из столицы лежало на столе три дня. Александр Аргентов перечитывал его каждое утро, когда Лиана ещё спала, и каждый раз слова королевского писца врезались в сознание с новой силой. «Его Величество король Эдвин желает видеть вас на торжественном заседании Совета, посвящённом распределению наград и назначению на высшие военные посты. Ваш вклад в победу над Алехандро неоценим, и король считает, что вы достойны занять пост Главнокомандующего королевскими армиями.» Парень сжимал пергамент в руках, чувствуя, как в груди разливается тепло — там, в столице, его ждали. Ждали, чтобы воздать почести, чтобы признать его заслуги, чтобы дать ему новую цель, новую битву, новую жизнь.

Но здесь, в этом доме, ждала Лиана.

Третий день начался так же, как и предыдущие: парень проснулся на кушетке, с ощущением, что спал не больше двух часов, хотя за окном уже давно рассвело. Он поднялся, умылся холодной водой из кувшина, привёл себя в порядок и вышел в гостиную, где его жена уже сидела за столом, попивая травяной чай и читая какую-то книгу в кожаном переплёте. Увидев мужа, девушка подняла глаза и улыбнулась — той самой улыбкой, которая не касалась глаз, но была достаточно тёплой, чтобы он не заподозрил подвоха.

— Доброе утро, — сказала она. — Ты сегодня какой-то задумчивый. Что-то случилось?

Алекс сел напротив, взял чашку, которую она подвинула к нему, и сделал глоток. Чай был мятным, с мёдом, таким же, как она любила, и он пил его, стараясь собраться с мыслями. Он не знал, как начать этот разговор. Он знал, что она не обрадуется. Она никогда не радовалась тому, что могло оторвать его от дома.

— Мне пришло письмо из столицы, — начал он, стараясь говорить ровно. — Король созывает Совет. Он хочет вручить награды и назначить Главнокомандующего.

Лиана отложила книгу, и в её глазах мелькнула тень настороженности. Она смотрела на него, ожидая продолжения, и это молчание давило сильнее любых слов.

— Меня предложили на этот пост, — продолжил парень, чувствуя, как пальцы сжимают чашку сильнее, чем нужно. — Это высокая честь, Лиана. Я бы командовал армией, решал вопросы обороны, защищал границы. Это важная работа. Я бы мог сделать много хорошего.

Она не ответила сразу. Она смотрела на него, и в этом взгляде читалось что-то тягучее, почти тревожное. Потом она медленно поставила чашку на стол и сложила руки перед собой, как будто готовилась к долгому разговору.

— Ты хочешь уехать? — спросила она, и голос её был тихим, но в нём звучала такая же сталь, что и в клинке его боевого меча. — Ты хочешь оставить меня снова? После того как ты только что вернулся?

Алекс открыл рот, чтобы возразить, но она продолжила, не давая ему и слова вставить.

— Ты не был дома целый год, Александр. Целый год я ждала, молилась, боялась, что ты не вернёшься. А теперь, когда ты здесь, ты хочешь уйти на эту дурацкую должность, которая отнимет у тебя всё время, все силы, все мысли. Ты снова будешь в походах, снова будешь в казармах, снова будешь далеко. А я останусь здесь, одна, снова ждать тебя, молиться за тебя, бояться за тебя. Ты этого хочешь?

Парень сжал челюсти. Он знал, что она скажет это. Он готовился к этому, но всё равно удар пришёлся в самую уязвимую точку — в его чувство вины. Он действительно уезжал на год. Он действительно оставил её одну. И теперь, когда он вернулся, он снова хотел уехать? Это выглядело как предательство, даже в его собственных глазах.

— Лиана, — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал спокойно, — это не просто должность. Это возможность изменить что-то. Я могу сделать армию сильнее, защитить границы,

предотвратить новые войны. Ты же знаешь, сколько людей погибло в последней войне. Я не хочу, чтобы это повторилось. Я могу помочь.

— Ты можешь помочь здесь, — сказала она, и в её голосе послышалась такая категоричность, что парень невольно вздрогнул. — Ты нужен мне здесь, Александр. Не королевству, не Совету, не этим людям, которые видели тебя раз в жизни. Ты нужен мне. Твоей жене. Той, кто ждала тебя, кто страдала, кто не спала ночами, думая о тебе. Ты хочешь оставить меня ради славы? Ради этих наград?

— Это не ради славы, — попытался возразить он, но она перебила его, её голос стал выше, почти истеричным.

— А ради чего? Ради того, чтобы снова быть там, среди крови и грязи, среди этих солдат, которые не знают, что такое дом? Ты хочешь снова жить в палатках, есть эту мерзкую кашу, спать на земле? Ты хочешь снова рисковать своей жизнью, оставляя меня одну, гадать, жив ты или уже мёртв? Нет, Александр. Я не позволю. Я не позволю тебе снова уйти.

Она встала из-за стола так резко, что стул отлетел в сторону и с грохотом ударился о стену. Она стояла перед ним, дрожащая, с мокрыми глазами, и в этом её состоянии было столько отчаяния, что парень почувствовал, как его собственное желание начать новую жизнь начинает таять, как утренний туман под лучами солнца.

— Я не хочу быть вдовой, Александр, — сказала она тихо, и в этом шёпоте слышалась такая глубокая боль, что у него перехватило дыхание. — Я не хочу ждать вестей о том, что ты пал в бою. Я не хочу хоронить тебя, стоя у могилы, и думать о том, что я могла бы остановить тебя. Я могу остановить тебя. И я остановлю.

Парень поднялся, подошёл к ней, взял её за руки. Они дрожали — такие тонкие, такие холодные, такие хрупкие. Он притянул её к себе, обнял, чувствуя, как она утыкается лицом ему в грудь, как её плечи сотрясаются от беззвучных рыданий.

— Тише, — сказал он, глядя её по голове. — Тише, я здесь. Я не уйду. Я никуда не уйду.

Она подняла на него заплаканное лицо и посмотрела в глаза:

— Ты обещаешь?

Парень смотрел в её глаза — такие голубые, такие чистые, такие просящие. И в этом взгляде не было ничего, кроме страха, страха потерять его, страха остаться одной. И он не мог отказать ей. Он не мог видеть её такой. Он помнил, как она улыбалась в первый год их знакомства, как она смеялась, как она была счастлива. Он хотел вернуть ей это счастье. И если для этого нужно отказаться от должности, от титулов, от власти — он откажется. Что ему стоит?

— Обещаю, — сказал он, и слово упало, как камень в воду, разойдясь кругами по его сознанию. — Я не уеду. Я останусь здесь. С тобой.

Лиана выдохнула, как будто скинула с плеч неподъёмную ношу. Она улыбнулась — на этот раз настоящей, тёплой, такой, которую он не видел уже несколько дней, — и поцеловала его в щёку.

— Ты мой герой, — прошептала она. — Ты всегда был моим героем. Я так тебя люблю.

Она выскользнула из его объятий, поправила волосы и пошла на кухню, напевая, как будто ничего не случилось. Алекс остался стоять посреди комнаты, чувствуя странную пустоту. Он только что отказался от всего, ради чего жил последние годы. Он отказался от власти, от влияния, от возможности что-то изменить. Ради неё. И в этот момент ему показалось, что где-то в глубине его души что-то умерло — не крик, не боль, а просто тихое, угасающее эхо того, кто он был.

Вечером он сел писать ответ королю. Лиана сидела рядом, вышивала, иногда поглядывала на него с мягкой улыбкой. Парень вывел на пергаменте несколько строк, но каждая буква давалась с трудом. Он писал: «Его Величеству королю Эдвину. С глубочайшим почтением и

благодарностью за оказанную честь...» — и дальше слова застревали в горле. Он отложил перо, вздохнул.

— Что-то не так? — спросила Лиана, не поднимая глаз от вышивания.

— Всё нормально, — ответил он. — Просто подбираю слова.

Он взял перо снова и написал: «...я вынужден отказаться от предложения занять пост Главнокомандующего. Мои семейные обстоятельства не позволяют мне покинуть дом и принять на себя столь серьёзные обязанности. Я остаюсь верным слугой короны, но на этот раз вынужден просить освободить меня от назначения.» Он поставил свою подпись, аккуратным, каллиграфическим почерком, который выработал ещё в академии, и запечатал письмо сургучом.

— Готово, — сказал он, пряча письмо в карман. — Завтра отправлю с посыльным.

Лиана поднялась, подошла к нему сзади, обняла за плечи и поцеловала в шею.

— Ты поступаешь правильно, — прошептала она. — Мы будем счастливы. У нас будет дом, будут дети, будут спокойные вечера. Тебе не нужна эта война. Она уже закончилась. Отдыхай, Александр. Ты заслужил отдых.

Парень кивнул, но внутри него что-то ныло, как старый шрам, который зажил, но болит перед дождём. Он погладил её руки, но в этом жесте не было прежней радости. Он отправил письмо на следующий день, и когда посыльный ускакал в сторону столицы, Алекс почувствовал, как что-то оборвалось в его груди.

Той же ночью он не мог уснуть. Он лежал на кушетке, глядя в потолок, и слышал, как где-то в доме скрипят половицы, как ветер завывает за окном, как тикают старые часы. Он встал, подошёл к окну и увидел, как по улице идёт кузнец Грегор, возвращаясь из таверны. Он шёл, шатаясь, и парень заметил, что в его походке была такая же усталость, как и в его собственной. Он остановился, поднял голову, увидел Алекса у окна и махнул рукой:

— Не спится, герой?

Алекс вышел на крыльцо. Ночь была прохладной, звёзды ярко горели на чёрном небе.

— Не спится, — ответил он.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.